

ЛИНГВИСТИКА

Анной Э. К.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЭКСПРЕССИВЫ¹ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ

В статье рассматриваются *метафорические экспрессивы* как единицы экспрессивного лексического фонда тувинского языка в сопоставлении с русским языком. Представляются наблюдения в сфере экспрессивной лексики, образованные семантической деривацией. Рассматривается общая картина по таким единицам, а именно осуществляется ли метафорический перенос в тувинском языке и в каких сферах наименования это происходит, затем приводится сравнение аналогичных лексем в русском языке.

Метафорические переносные значения являются универсальными средствами выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи в рассматриваемых языках. Работа показала, что в тувинском языке данный способ образования нового значения слова однозначно функционирует, выявлено семь схем семантической деривации. На материале метафорических экспрессивов обнаруживаются особенности тувинской и русской языковой картины мира.

Ключевые слова: *метафора, экспрессив, семантическая деривация, тувинский язык, русский язык, языковая картина мира.*

Экспрессивный фонд любого языка чрезвычайно богат и разнообразен. Экспрессивные единицы функционируют на всех уровнях языковой структуры, но основная нагрузка выражения чувств, эмоций социальных и индивидуальных оценок лежит на лексемах и лексико-семантических вариантах (далее ЛСВ) многозначного слова.

В рамках статьи рассмотрим ЛСВ экспрессивного значения многозначного слова, образованные семантической деривацией на основе метафоры.

В русской лексикологии тема метафоризации слов и образование экспрессивных единиц хорошо изучена на материале художественной литературы и разговорной речи: Н. А. Лукьянова, 1986; О. Н. Лагута, 2003; И. М. Некипелова, 2011; Т. Н. Пархоменко, 2012 и др., которые считают, что метафорические переносные ЛСВ составляют значительную долю в общем объеме словарей русского языка.

В тувинском языке метафоризация в многозначном слове рассмотрена в работе Б. И. Татаринцева «Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке» (1987), который считает, что смысловые характеристики слов в плане синхронии и диахронии заметно различаются. Следовательно, появление переносного ЛСВ в слове в определенный промежуток времени может отличаться от предыдущего толкования, понимания.

Экспрессией называют совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего, к содержанию или адресату речи (ЛЭС, 1990: 591).

При определении семантической сущности *экспрессивности* в языке мы следуем за авторами, которые ее компонентами считают: *эмоциональную оценку* (субъективное мнение, оценка предмета речи), *интенсивность* (отраженное в сознании и закрепленное в значении представление о высокой степени проявления действия, явления, признака предмета, лица) и

¹ Термин *метафорический экспрессив* впервые в научный оборот ввела Н. А. Лукьянова (1986: 100).

образность (воплощенный в значении слова психический образ), в разных комбинациях присутствующих в значении экспрессивной лексической единицы (Лукьянова, 1986: 44; Лиханов, 1994: 19–26).

Под *метафорическими экспрессивами* мы понимаем, лексемы экспрессивного значения, образованные семантической деривацией на основе метафорического переноса, служащие для передачи эмоций, чувств-отношений, оценок, говорящих о лицах, предметах и явлениях. Они не имеют формальных признаков и лексических показателей экспрессивности, но их экспрессивный потенциал интуитивно осознается носителями языка. Связь между прямым и переносным значением одной лексемы воспринимается в тех случаях, когда она имеет характер контраста (Лукьянова, 1986: 100). В основе метафорического переноса есть образ, являющийся источником информации о картине мира носителей языка, их знаний и представлений. В семантике рассматриваемых метафорических единиц образность является определяющим признаком отнесения их к экспрессивным лексическим единицам.

В ряде исследований по лингвистике есть мнение о том, что язык отражает образ мышления, культуру В. Гумбольдт, 1795, 1984; А. А. Потебня, 1862; Э. Сепир-Уорф, 1934 и др. А. Д. Шмелев говорил, что «... в языке находят те черты внеязыковой действительности, которые представляются релевантными для носителей культуры, пользующейся этим языком; овладевая языком и, в частности, значением слов, носитель языка начинает видеть мир под углом зрения, подсказанным его родным языком, «отражая» или «формируя» образ мышления носителей языка» (2001: 7), с чем необходимо согласиться.

Так, *метафорические экспрессивы* отражают языковую картину мира каждого народа по-своему, в словах выражается определенное отношение носителей языка к явлению или к человеку, например, в тувинском языке *чавана* ‘селезенка’ по отношению к человеку употребляется в значении ‘подхалим, подлиза’. В этом примере метафорический перенос основан на том, что селезенка животных в традиционном быту тувинцев использовалась в качестве клеящего вещества, в частности для склеивания сшитых краев ткани, поэтому общий ассоциативный признак определяется как «нечто клейкое, липкое, навязчивое».

Выборка материала была сделана из русско-тувинского словаря, тувинско-русского словаря, из записей спонтанной, разговорной речи, из художественной литературы тувинского языка, а для русского языка была привлечена монография Н. А. Лукьяновой «Экспрессивная лексика разговорного употребления» (1986), также большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (далее БТСРЯ-Кузнецов).

Взяв за основу восемь схем, выделенных Н. А. Лукьяновой, мы рассматриваем метафорический перенос от названий реалий, не связанных с человеком: названия животных, птиц, насекомых, растений, болезней, мифологических и сказочных существ, в сферу ‘человек’. В результате метафоризации дается образная характеристика человека по морально-этическим, социально-коммуникативным, физическим, внешним признакам.

Схемы семантической деривации, выявленные в тувинском языке:

1) «животное → человек» в данную группу попадают названия всего животного мира: птицы, рыбы, домашние и дикие животные (*аскыр* ‘жеребец’ → любвеобильный человек, *хой* ‘овца’ → глупый человек);

2) «насекомое → человек» (*кымыскайк* ‘муравей’ → трудолюбивый человек, *саргы* ‘клещ’ → навязчивый человек);

3) «растение → человек» (*шагар-оът* ‘крапива’ → раздражительный человек, *чечек* ‘цветок’ → красивая девушка);

4) «неодушевленный предмет → человек» в основе переноса лежит признак или свойство неодушевленного предмета (*сек* ‘падаль’ → плохой человек, *ыйлаңгы* ‘волдырь, пузырь’ → пустой человек, *көжээ* ‘стела, каменное изваяние’ → инертный, неподвижный человек);

5) «мифологическое существо → человек» (*бук* ‘дух, бес’ → плохой, злой человек, *дирең* ‘демон, злой дух’ → сумасшедший человек);

б) «сказочное существо → человек» (*чылбыга* ‘баба-яга’ → недобрый, неопрятный человек, *даңгына* ‘царевна, дочь-хана’ → красивая молодая девушка);

7) «нейтральное существительное → человек» в основе переноса лежат признаки внешнего вида, социального положения, национальной принадлежности, физического состояния, особенности характера, поведения (*дулгуяк* ‘вдова’ → сварливый человек, *ураанхай/урянхай* (название этноса) → простолюдин, невежда).

Реализация представленных схем выявлена на более 150-ти лексических единицах. Представим сравнение некоторых метафорических экспрессивов в тувинском и русском языках.

Наблюдается семантическое и функциональное совпадение у следующих единиц в тувинском и русском языках: *дилги* ‘лиса’ и *лиса* ‘хитрый, лживый человек’; *тик* ‘ноль’ и *ноль* ‘о ничтожном, незначительном человеке’; *даңгына* ‘царевна, дочь хана’ и *царевна* ‘о девушке-красавице’; *төжсек* ‘пень, пенёк’ и *пень* ‘тупой, бесчувственный человек’; *чудук* ‘бревно’ и *бревно* ‘о тупом человеке’; *ыт* ‘собака’ и *собака* ‘о злом, грубом человеке’; *эзир* ‘орёл’ и *орёл* ‘о гордом, смелом, сильном человеке’; *аскыр* ‘жеребец’ и *жеребец* ‘о мужчине, до неприличия откровенно проявляющем свои физиологические наклонности, о бабнике’; *хаван* ‘свинья, кабан’ и *свинья* ‘о грязном, неопрятном человеке, о человеке, поступающем низко, подло, грубо’; *инек* ‘корова’ и *корова* ‘о толстой, неуклюжей, нерасторопной или неумной женщине’; *чылбыга* ‘чудовище’ и *чудовище* ‘о человеке низких, отталкивающих моральных качеств’; *чыллан* ‘змея’ и *змея* ‘о коварном, хитром, злом человеке’; *чылбыска* ‘подкидыш, недоносок (у мелкого рогатого скота)’ и *недоносок* ‘о неразвитом, умственно отсталом человеке’; *шивишкин* ‘шпион’ и *штион* ‘тот, кто следит за кем-л., выслеживает кого-л., доносит на кого-л.’; *языты-мелегей* ‘черепаха’ и *черепаха* ‘о крайне медлительном, нерасторопном человеке’.

Сравнение схем мифологических существ также демонстрирует своеобразность мифологического сознания носителей языка, например, в словаре тувинского языка лексема *аза* определяется собирательно как ‘злой дух, сатана, чёрт’, а в русском языке каждая из данных мифологических существ имеет отдельное толкование, но для сравнения мы привлекаем наиболее приближенную по смыслу лексему *сатана* ‘1. По религиозным представлениям: глава злых духов, воплощение злого начала; властелин ада, дьявол, чёрт; 2. Разг. О ком-л. нехорошем, недобром’ (БТСРЯ-Кузнецов). Лексема *дишрең* в словаре дается как ‘демон, бес, злой дух’ для сравнения с русским языком мы привлекаем наиболее приближенную из значений лексему *бес* ‘2. О быстром, ловком человеке, ... 4. Бранно. О том, кто вызывает раздражение, гнев, негодование своим поведением, поступками’ (БТСРЯ-Кузнецов). Слово *дишрең* ‘демон, бес, злой дух’ в тувинском языке для характеристики человека употребляется, как в отрицательном, так и в положительном значении ‘1. О сумасшедшем человеке, 2. О быстром, ловком человеке’. Подобное двусмысленное употребление в тувинском языке наблюдается также у следующих трех лексем: *албыс* ‘степная дева, ведьма → 1. Плохой человек; 2. Смелый, шустрый человек’, *бук* ‘злой дух, нечистая сила → 1. Злой человек; 2. Бойкий, удалой человек’, *шулбус* ‘злой дух, демон → 1. Нетрезвый, страшный человек, 2. Удалой, резвый человек’.

Мировосприятие носителей разных языков ярко проявляется на зооморфных участках их лексических систем, однако оппозиция «сходство – различие» в отборе зоонимов может осмысливаться по-разному (Лагута, 2003, Ч. 2: 18–19). У народов, не связанных исторически единством культурной традиции, образные представления и оценки одного и того же животного нередко оказываются противоположными. Так, в русском языке: *курица* разг. о человеке, имеющем жалкий вид; о безвольном, бесхарактерном человеке’; *шутл.* ‘о плохо видящем, близоруком человеке’ (БТСРЯ-Кузнецов), тогда как в тувинском языке *дагаа* ‘курица’ характеризует не внешний вид и личностную характеристику человека, а умственные способности ‘о тупом, глупом человеке’ ср. *аамай дагаа* ‘тупая, глупая курица’; *козёл* в русском языке *бранно.* ‘о человеке, вызывающем неприязнь, раздражение’ (БТСРЯ-Кузнецов); а в тувинском *хуна*

‘козёл’ употребляется по отношению к задиристому, упрямому, высокомерному человеку; *коза* в русском языке *шутл.* ‘о резвой, бойкой девочке, девушке’ (БТСРЯ-Кузнецов); в тувинском *өшкү* ‘коза’ чаще жалостливо, о бессильном человеке (*ср. кодур өшкү* ‘коза с болячками, больная коза’); у лексемы *налим* в русском языке нет переносного значения по отношению к человеку, тогда как в тувинском *мезил* ‘налим’ – ‘о медлительном, глупом человеке’; *чаптан* ‘полынь’ → ‘о молодом незрелом человеке’ и *полынь* ‘о ком- и о чём-л. неприятном, доставляющем огорчения, боль’; в толковых словарях русского языка у лексемы *клец* не отмечается переносного значения к человеку, но в разговорной речи употребляется выражение «*присосался как клец*»; *саргы* ‘клец’ в тувинском языке ‘о неприятном, навязчивом человеке’; слово *враг* в русском языке имеет значение ‘... 3. Принципиальный противник чего-л. «*враг курения*», «*враг частной собственности*», «*враг бутылки*» (*шутл.* о том, кто любит выпить). 4. О том, что приносит вред, зло «*враг прогресса*» (БТСРЯ-Кузнецов), а в тувинском *дайзын* ‘враг’ → 1. ‘О чужом, неприятном, злом, вредном человеке, также про человека, который против чего-либо’; 2. ‘О шустром, бодром человеке (о детях)’; *маңгыс* ‘1. Упырь, вампир, чудовище; 2. Обжора; 3. Паразит, дармоед, туineaдец’ и *упырь* ‘о ком-л., вызвавшем неудовольствие, раздражение, гнев’.

Таким образом, метафорические переносные значения являются универсальными и наиболее мобильными средствами выражения эмоционального отношения и социальных оценок говорящего к предмету речи, субъекту.

Исследование показало, что в тувинском языке данный способ образования нового значения слова однозначно функционирует, выявлено семь схем семантической деривации из привлеченных для сравнения восьми схем русского языка. Выяснилось, что в отличие от русского языка в тувинском языке отсутствует метафорическая схема названий болезней в сферу «человек», например, лексемы *язва*, *холера*, *чума* и т.п. в русском языке употребляются по отношению к человеку с оценочной семантикой, тогда как в тувинском языке не выявлены случаи метафоризации названий болезней к человеку, что говорит о разных языковых картинах мира двух разных народов.

Сравнительный анализ аналогичных единиц в обоих языках показал, что есть случаи семантического и функционального совпадения у большинства лексем, также есть *метафорические экспрессивы*, семантически понимаемые по-разному в силу разных языковых картин мира. Так, для обозначения упрямого человека в тувинском языке употребляется словосочетание *теве сидии букв.* ‘моча верблюда’, тогда как в русском языке ассоциируют с поведением *осла*, другие случаи подобного несоответствия, мы привели выше.

В тувинском языке, как и в других языках, для выражения субъективной оценки путем метафоризации образы животного мира являются самыми воспроизводимыми, нам встретилось более 70-ти единиц.

Интересная картина по мифологическим существам. Выяснилось, во-первых, что в тувинском языке мифологические существа описываются собирательными образами, тогда как в русском имеется отдельное толкование по каждому мифологическому существу. Во-вторых, наблюдается двусмысленное употребление некоторых лексем в обоих языках, т.е. использование одной лексемы и в отрицательном, и в положительном значении.

Рассмотренные единицы попали в нашу выборку по наличию коннотативных компонентов в семантике: *эмотивной оценки*, *интенсивности* и *образности*. Доминирующий компонент *образности* определяет их как *метафорические экспрессивы*.

Список литературы

- БТСРЯ-Кузнецов – Большой толковый словарь русского языка. Гл. редактор С. А. Кузнецов. – СПб., 2014. (<http://www.gramota.ru>)
Лагуа О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – Ч. 1. – 114 с.

- Лагута О. Н. Метафорология: теоретические аспекты / Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2003. – Ч. 2. – 208 с.
- Лиханов В. И. Эмоционально-оценочные и экспрессивные слова в якутском языке. – Новосибирск: ВО Наука, 1994. – 130 с.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления русского языка. – Новосибирск: Наука, 1986. – 229 с.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 685.
- Некипелова И. М. К вопросу о разграничении понятий семантическая деривация и семантическое словообразование в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. – Томск, 2011. – № 2. – С. 14–26.
- Пархоменко Т. Н. К вопросу о семантической деривации // Вестник КемГУ. – 2012. – № 4 (52). – Т. 4. – С. 87–90.
- Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. – М.: Наука, 1987. – 197 с.
- Шмелев А. Д. Могут ли слова языка быть ключом к пониманию культуры? // Понимание культур через посредство ключевых слов. – М., 2001. – С. 7–11.

Список условных сокращений

букв. – буквально; бранно. – бранное слово; ЛСВ – лексико-семантический вариант; разг. – разговорное слово; ср. – сравни; шутл. – шутливое слово.

Анна́й Э. К.-О., аспирант.

Сибирское отделение Российской Академии наук, Институт филологии.

Ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090.

E-mail: eannaj@mail.ru

Статья поступила в редакцию 25.05.2017

Annaj Ellada Kan-oolovna

METAPHORICAL EXPRESSIVES IN TUVAN IN CONTRAST WITH RUSSIAN

The article analyzes metaphorical expressives as units of expressive lexical corpus in the Tuvan language in contrast with the Russian language. We offer our observations regarding expressive lexis formed by the means of semantic derivations. We present a general overview of such units and determine whether metaphorical transfer occurs in Tuvan or not, and list the areas of nomination where it occurs; after that, we analyze similar lexemes in the Russian language.

Metaphorical meanings serve as universal means of expression of emotions and social evaluation in Tuvan and Russian. Our study shows that in Tuvan, this method of formation of new meaning definitely exists, 7 models of semantic derivation have been described. Individual traits of Tuvan and Russian world images are defined on the basis of metaphorical expressives.

Key words: *metaphor, expressive, semantic derivation, Tuvan, Russian, language world image.*

References

- BTSRYA-Kuznecova – Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka [Great Dictionary of Russian language] – Gl. redaktor S. A. Kuznecov. – SPb., 2014. (<http://www.gramota.ru>) (in Russian)
- Laguta O. N. Metaforologiya: teoreticheskie aspekty [Metaphorology: theoretical aspects] / Novosibir. gos. un-t. – Novosibirsk, 2003. – Part 1. – 114 p. (in Russian)
- Laguta O. N. Metaforologiya: teoreticheskie aspekty [Metaphorology: theoretical aspects] / Novosibir. gos. un-t. – Novosibirsk, 2003. – Part 2. – 208 p. (in Russian)
- Lihanov V. I. Emocional'no-ocenochnye i ehkspressivnye slova v yakutskom yazyke. [Emotional-evaluative and expressive words in the Yakut language] – Novosibirsk: VO Nauka, 1994. – 130 p. (in Russian)
- Luk'yanova N. A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya russkogo yazyka. [Expressive vocabulary of colloquial use of Russian] – Novosibirsk: Nauka, 1986. – 229 p. (in Russian)

LES – Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'. [Linguistic Encyclopedic Dictionary] – M.: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990. – P. 685. (in Russian)

Nekipelova I. M. K voprosu o razgranichenii ponyatij semanticheskaya derivaciya i semanticheskoe slovoobrazovanie v diachronicheskom aspekte [On the question of distinguishing between concepts semantic derivation and semantic word-formation in the diachronic aspect] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. – Tomsk, 2011. – № 2. – P. 14–26. (in Russian)

Parhomenko T. N. K voprosu o semanticheskoy derivacii [On the question of semantic derivation] // Vestnik KemGU. – 2012. – № 4 (52). – Т. 4. – P. 87–90. (in Russian)

Tatarincev B. I. Smyslovyje svyazi i otnosheniya slov v tuvinskom yazyke. [Semantic links and word relations in Tuvan language] – M.: Nauka, 1987. – 197 s. (in Russian)

Shmelev A. D. Mogut li slova yazyka byt' klyuchom k ponimaniyu kul'tury? [Can the words of a language be the key to understanding culture?] // Ponimanie kul'tur cherez posredstvo klyuchevyh slov. – M., 2001. – P. 7–11. (in Russian)

Annaj E. K.-o.

Siberian of Branch of Russian Academy of Science, Institute of Philology.

Ul. Nikolaeva, 8, Novosibirsk, Russia, 630090.

E-mail: eannaj@mail.ru